

ДЕЛО СТАВИССКОГО И ФАШИСТСКИЙ МЯТЕЖ 6 ФЕВРАЛЯ 1934 г. ВО ФРАНЦИИ

Ю. В. Егоров

В отличие от большинства стран капиталистического мира экономический кризис разразился во Франции не осенью 1929 г., а в 1931 г., причем наиболее резкое падение производства началось здесь со второй половины 1933 г., когда другие капиталистические страны уже стали постепенно выбираться из кризиса. Ухудшение экономического положения открывало перспективу обострения социальных конфликтов, и в этой обстановке росло стремление правых буржуазных кругов к ликвидации демократических свобод и установлению в стране авторитарного строя. Стремясь подавить движение трудящихся, поднимавшихся на борьбу за свои права, некоторые капиталисты (Матон, Мерсье, Пейеримгоф и другие) поддерживали и субсидировали многочисленные фашистские лиги и организации, деятельность которых после прихода Гитлера к власти в Германии заметно активизировалась¹.

Чтобы открыть путь к созданию профашистского правительства, реакционеры пытались использовать справедливое недовольство масс политикой левобуржуазных партий, которые пришли к власти после парламентских выборов 1932 г. и почти ничего не сделали для ликвидации кризиса. Это недовольство в конце 1933 г. охватило все без исключения слои французского общества. Кризис длился уже третий год, и не было пока никакой надежды на его быстрое окончание. Более того, положение с каждым месяцем становилось все хуже. Рабочие страдали от безработицы и падения зарплаты. Крестьяне, вынужденные продавать свои продукты ниже себестоимости, не могли покрыть даже затраченных издержек. Резкое падение доходов основной массы населения и рост косвенных налогов сужали внутренний рынок, что затрагивало интересы и городских средних слоев. По мелким коммерсантам и промышленникам било не только сокращение оборота, но и те прямые налоги, которые приходилось платить. Учащались случаи банкротств и ликвидации предприятий.

Сокращение бюджетных расходов проводилось в течение 1931—1933 гг. главным образом за счет уменьшения окладов государственных служащих, снижения пенсий и ренты. Это вызывало реакцию у соответствующих категорий населения. Больше других были возмущены ветераны первой мировой войны, считавшие, что правительство, уменьшая пособия бывшим фронтовикам, совершенно забыло о страданиях и жертвах, которые те принесли. Бывшие фронтовики и государственные служащие, ранты и лавочники, рабочие и ремесленники, батраки и крестьяне — все они считали, что в ухудшении их положения виноваты правительство и парламент. Антипарламентские настроения получили такое широкое распространение, какого они не имели, пожалуй, со времени «дела Дрейфуса» и панамской аферы.

Последствия кризиса особенно чувствовались в столице. Резкое уменьшение числа туристов лишило основного источника доходов десятки тысяч торговцев сувенирами и предметами роскоши, ремесленников, содержателей маленьких гостиниц и ресторанов, художников, гидов и переводчиков. А правительственные мероприятия по экономии бюджета ударили с особой силой по другой, также весьма многочисленной группе парижского населения — государственным служащим. Ряды безработных в столице пополнялись и теми, кто, окончив университет, не мог найти работу по специальности. Жизнь же была по-прежнему дорога: изобилие товаров не влияло на

¹ О связях крупного капитала с фашистскими лигами см.: Л. И. Шнеерсон. Финансовый капитал во Франции. М. 1937, стр. 270—279. Подробнее о фашистском движении во Франции см.: Ю. В. Егоров. Фашистские организации во Франции накануне февральских событий 1934 г. «Очерки всеобщей истории». «Ученые записки» ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 307. 1969.

снижение розничных цен. При этом ограничивать свое потребление вынуждены были и те, кто не привык терпеть лишения и для кого одна мысль о том, чтобы стать «простым рабочим», казалась невыносимой. В результате семена фашистской демографии падали в Париже на особенно благоприятную почву.

В этой-то обстановке всеобщей неудовлетворенности и раздражения в конце декабря 1933 г. как раз и разразилось «дело Стависского»², которому суждено было сыграть важную роль в предвоенной истории Франции. Главное действующее лицо «дела» — 46-летний Александр Стависский, или «Саша», «король мошенников», «джентльмен среди гангстеров и гангстер среди джентльменов», как его называла французская печать, хорошо известный парижской уголовной полиции. Впервые Стависский попал в ее руки за нечистоплотные финансовые операции накануне первой мировой войны, однако тюрьмы ему тогда удалось избежать. Столь же легко сошли «Саше» с рук подделка банкнот Английского банка и другие мошенничества, раскрытые в послевоенные годы. Когда в 1926 г. Стависский был арестован и дело его пошло в суд, он нанял четырех адвокатов, являвшихся депутатами парламента. Они сначала выхлопотали ему условное освобождение, а затем столь умело вели дело, что его слушание в суде откладывалось 19 раз! Тем временем Стависский, энергично используя свое пребывание на свободе, одну за другой организует фальшивые компании и лутые акционерные общества. Полученные таким образом деньги не только позволяют «Саше» вести весьма широкий образ жизни, но и помогают ему проникнуть в парижский «свет», установить полезные деловые связи в политических кругах, в судебном и государственном аппарате, иметь своих людей в газетном мире.

Один из таких новых друзей Стависского, редактор «Volonté» Дюбарри раздобыл ему в 1932 г. два письма, подписанных министром труда Далимье. В них содержалась рекомендация вкладывать деньги в покупку облигаций ломбардов, причем особенно был выделен созданный Стависским ломбард в городе Байонна³. Письма Далимье помогли Стависскому продать фальшивые облигации на сумму свыше 200 млн. франков. Мошенничество вскрылось в конце ноября 1933 г., а директор Байоннского ломбарда Тисье был арестован 23 декабря. В тот же день Стависский, достав фальшивый паспорт, скрылся в неизвестном направлении из своей роскошной парижской квартиры. Все подробности публика узнала через неделю, когда «дело Стависского» покинуло последние газетные страницы, где обычно печаталась набранная петитом хроника, и перешло на первые полосы столичной и провинциальной печати. Было очевидно, что без высокого покровительства Стависский не смог бы 19 раз добиваться отсрочки суда и в течение 6 лет оставаться на свободе; что только с помощью высоких покровителей стало для него возможным байоннское мошенничество; что кто-то из чинов парижской полиции помог Стависскому бежать. Было также ясно, что никто не стал бы помогать Стависскому бескорыстно. Но кто же эти неизвестные покровители? Публика все громче требовала назвать имена сообщников.

В «нормальных» условиях «дело Стависского» — довольно заурядное мошенничество, которое не шло ни в какое сравнение с «Панамой», крахом банка Устрика (1930 г.) или делом «Аэропосталь» (1931 г.), — было бы забыто через несколько недель. К тому же мелкие вкладчики почти не пострадали, так как на облигации Байоннского ломбарда подписались главным образом крупные страховые компании. Но в 1934 г. достаточным оказалось ничтожного повода, чтобы всеобщее недовольство вырвалось наружу. Мелкие государственные служащие, чья зарплата урезывалась во имя «оздоровления» бюджета; рантье, чья рента после конверсии 1932 г. сократилась на 20%; мелкие лавочники, едва сводившие концы с концами и задавленные высокими налогами, — все они приходили в ярость при мысли, что есть во

² Его детали освещены в материалах парламентской комиссии по расследованию этой аферы: *Chambre des députés*, № 4886: *Annexe au procès-verbal de la séance du 7.III.1935. Rapport général fait au nom de la Commission d'enquête chargée de rechercher toutes les responsabilités politiques et administratives encourues depuis l'origine des affaires Stavisky par E. Lafont. Annexes. P. 1935* (далее — «*Commission de Stavisky*»); см. также: J. Kessel. *Stavisky. L'homme que j'ai connu. P. 1934*; A. Werth. *France in ferment. P. 1934*, pp. 77—88, 212—247.

³ «*Commission de Stavisky*», pp. 465—496.

Франции люди, могущие проматывать миллионы украденных денег, и не только безнаказанно, но даже при покровительстве и поддержке тем самых властей, которые ответственны за происходящее. Слухи о причастности «политиков» к «делу Стависского» подтвердились в начале января арестами депутатов Гара и Боннора, редактора газеты «Liberté» Эймара⁴ и Дюбарри. Вынужден был уйти в отставку и Далимье, занимавший в правительстве Шотана пост министра колоний.

Руководители фашистской лиги «Action française» («Французское действие») первыми попытались извлечь политическую выгоду из скандала. В их газете были опубликованы письма Далимье, рекомендовавшего вкладывать деньги в покупку байоннских облигаций. Хотя в числе политических деятелей, подкупленных Стависским, имелись и правые, «Аксьон франсэз» сумела связать скандал прежде всего с левыми партиями: ведь Гара и Боннор являлись радикалами, да и газета Дюбарри «Volonté» имела репутацию левой. Лидер «королевских молодчиков» (вооруженные отряды «Аксьон франсэз») Пюжо утверждал, что Стависский накануне выборов 1932 г. внес значительную сумму денег в фонд радикальной партии⁵. «Аксьон франсэз» не преминула также использовать то обстоятельство, что прокурор Прессар, с ведома которого суд над Стависским откладывался 19 раз, был зятем премьер-министра Шотана. Это позволило «Аксьон франсэз» начать против «банды Шотана — Стависского» яростную кампанию, которую сразу же подхватили «Jour», «Candide», «Gringoire», а за ними вся правая печать⁶.

7 января 1934 г. в газете «Action française» появился призыв к антиправительственным манифестациям и демонстрациям. «Нет справедливости в стране, — писал Пюжо, — где судьи и полиция являются сообщниками преступников. Честный народ Франции... вынужден взять закон в свои руки». Между тем полиции удалось напасть в Швейцарии на след Стависского, и 8 января дом, где он скрывался, был окружен. Однако, как гласил официальный отчет, когда полицейские стали взламывать дверь в комнату Стависского, тот выстрелил в себя и умер на следующий день, не приходя в сознание. Почти никто не поверил этой версии. Многие были уверены, что Стависского просто застрелили при аресте: ведь на суде он мог рассказать о своих связях с полицейскими. Известие о гибели Стависского совпало с возобновлением работы парламента. А 9 января по призыву «Аксьон франсэз» состоялась крупная манифестация около Бурбонского дворца — резиденции палаты депутатов. С провокационными криками «Убийцы!», «Долой депутатов!», «Долой правительство воров!» две тысячи «камлотов» («королевских молодчиков») пытались прорваться к Бурбонскому дворцу со стороны бульвара Сен-Жермен и моста Сольферино. Одновременно 250 членов «Аксьон франсэз» устроили демонстрацию на площади Согласия. Демонстранты были рассеяны полицией, но 11 января состоялась более массовая манифестация, в которой участвовала еще и другая фашистская организация — «Jeunesses patriotes» («Молодые патриоты»). Главные события развернулись на бульварах Сен-Жермен и Распайль, где собралось 4 тыс. манифестантов. После неудачной попытки прорвать полицейский заслон, преградивший путь к парламенту, «камлоты» и «молодые патриоты» стали строить баррикады, вступив в сражение с силами порядка. Потребовалась конная полиция, чтобы разогнать манифестантов⁷.

⁴ Позднее Эймар опубликовал книгу, в которой пытался показать, что в его отношениях со Стависским не было ничего предосудительного, а себя представить как «жертву подлинного покушения на индивидуальную свободу» (С. Aumard. La véritable affaire Stavisky. P. 1935).

⁵ «Action française», 3.I.1934; «Commission de Stavisky», pp. 435—445.

⁶ A. Détrez. L'affaire Stavisky. P. 1935.

⁷ О январских и февральских событиях в Париже 1934 г. см.: Chambre des députés. Documents parlementaires. Annexes au procès-verbal de la séance du 17.V.1934, №№ 3383—3393: Rapports faits au nom de la Commission d'enquête chargée de rechercher les causes et les origines du 6 février 1934 et les jours suivants ainsi que toutes les responsabilités encourues. P. 1935 (далее — «Commission du 6.II.1934»); L. Bonnevay. Les journées sanglantes de février 1934. P. 1935; «Le 6 février (après l'enquête)». P. 1934; «Coup de main fasciste. Riposte républicaine». P. 1934; G. Imann. La journée du 6 février. P. 1934; G. Chéreau. Concorde! Le 6 février au Palais Bourbon. P. 1934; G. Suarez. La grande peur du 6 février au Palais Bourbon. P. 1934; M. Chevardès. Le 6 février 1934. La République en danger. P. 1966; M. Le Clère. Le 6 février. P. 1967.

Тем временем в палате депутатов завершились дебаты по «делу Стависского». Правительство получило вотум доверия 376 голосами против 229⁸. В ходе прений чувствовалось, что Шотан еще не принимает всерьез создавшуюся ситуацию. Искушенный мастер парламентских интриг, он не увидел, что центр событий переместился из Бурбонского дворца на улицы Парижа. Выступая в палате депутатов, премьер выразил удивление, что поднят такой шум из-за столь банального дела, и отверг предложение правого депутата Ибарнегарэ о создании парламентской комиссии по расследованию «дела Стависского». Правосудие должно вершиться в обычном порядке, заявил Шотан, а создание парламентской комиссии вызовет бесконечные личные интриги и отравит политическую атмосферу⁹.

Это был тактический просчет Шотана, которым немедленно воспользовались правые, подняв крик о том, что правительство боится правды и покрывает преступников. 10 января «Action française» вышла с огромным заголовком: «Камилл Шотан — главарь банды воров и убийц». Газета писала, что Стависский был убит по приказу премьера, который таким путем хотел спасти от разоблачения Прессара и своих коллег по радикальной партии. В последующие дни реакционные политики и правая печать стали обвинять правительство не только в стремлении замаять дело, но и в прямой связи со Стависским. Подобное обвинение было брошено в адрес министра финансов Бонне, министра просвещения де Монзи и министра иностранных дел Поль-Бонкура. Эти трое легко доказали свою непричастность к афере¹⁰, но министру юстиции Рейнольди повезло меньше. Он долгое время был членом правления компании «Саказан», оказавшейся мошенническим предприятием. Противники правительства заявляли, что министр юстиции не может быть беспристрастным в деле своих приятелей из «Саказан»¹¹, и 27 января Рейнольди подал в отставку.

Таким образом, уже два министра, изобличенные в связи с мошенниками, вынуждены были уйти со своих постов. Хотя для одного правительства это было многовато, все же в парламенте положение Шотана пока оставалось достаточно прочным: при очередном голосовании вотума доверия он получил 367 голосов против 201¹².

Однако скандал ширился. Правая печать с каждым днем усиливала нападки на правительство, полицию, суд и парламент, стремясь направить гнев публики против левых депутатов, которых она называла не иначе как «ворами», «избирательной олигархией» и «пожирателями бюджета»¹³. В «Rire» была помещена карикатура, изображавшая даму, которая говорила слугам: «Сегодня вечером мы принимаем министра и двух депутатов. Пересчитайте столовое серебро!» Состоявшийся в конце января в Париже съезд фашистской аграрной партии предложил организовать «массовую казнь» депутатов парламента¹⁴. Усилились призывы правых к созданию сильной власти, которая избавила бы Францию от «гнили и разложения». «Стране нужен жандарм!» — писала 25 января «Echo de Paris», а бывший «красный социалист» Эрвэ каждый день твердил в «Victoire»: «Нам нужен Петэн!» Некоторые фашистские органы печати открыто требовали установления во Франции режима по образцу немецкого или итальянского¹⁵.

Прения в Бурбонском дворце шли под аккомпанемент антиправительственных манифестаций и беспорядков. 19 и 20 января «Аксьон франсэз» организовала демонстрации в районе Оперы с криками «Долой Шотана!», «Долой воров!». Через день повторилось то же самое на левом берегу Сены. 22 и 23 января «камлоты» вступили в драку с полицией на бульварах Сен-Жермен и Распайль. Новая попытка пробиться к парламенту была предпринята 23 января¹⁶. Особенно крупные беспорядки произошли 27 января, когда своих сторонников вывели на улицу сразу три фашистские лиги — «Аксьон франсэз», «Молодые патриоты» и «Solidarité

⁸ «Annales de la Chambre des députés». Débats parlementaires, 12.I.1934, p. 112 (далее — «Chambre des députés»).

⁹ Ibid., pp. 76—78, 83—87, 100—105.

¹⁰ «Commission de Stavisky», pp. 341—345.

¹¹ «Chambre des députés», 18.I.1934, pp. 164—171; 23.I.1934, pp. 282—296.

¹² Ibid., 23.I.1934, p. 296.

¹³ H. Tint. Decline of French Patriotism, 1870—1940. L. 1964, p. 106.

¹⁴ «L'Humanité», 28.I.1934.

¹⁵ G. Plumiène, R. Lasier. Les fascismes français. P. 1963, p. 104.

¹⁶ «Commission du 6.II.1934». № 3384, pp. 576—579.

française» («Французская солидарность»). Две колонны манифестантов стремились проложить себе путь к парламенту. Ажаны же достаточно спокойно наблюдали за бесчинствами «молодых патриотов» и «королевских молодчиков», которые поджигали газетные киоски, громили открытые кафе, ломали фонарные столбы и поджигали шедший из труб газ. То была первая демонстрация фашистов, сопровождавшаяся поджогами и пожарами¹⁷. Именно она решила судьбу правительства Шотана, и 28 января его кабинет ушел в отставку. Отставка левого правительства, имевшего прочное большинство в палате депутатов, явилась успехом фашистов. Их лиги как бы уверовали в эффективность уличных беспорядков, которые создавали в центре Парижа атмосферу тревоги. В течение января фашисты прошли своеобразную «школу мятежа», постепенно проникаясь сознанием собственной безнаказанности и уверенности в своих силах.

Префект столичной полиции, «маленький корсиканец» Ж. Кьяпп за шесть лет пребывания на посту сумел снискать ненависть со стороны левых партий и всех трудящихся, которых особенно возмущали систематически проводившиеся превентивные аресты накануне массовых пролетарских демонстраций. Иным являлось отношение Кьяппа к фашистам: ведь он был тесно связан со многими деятелями правого лагеря и находился в родственных отношениях с Г. де Кабруцкой — директором фашистского еженедельника «Gringoire», который задавал тон истеричной кампании по «делу Стависского». Кьяпп сам признавал, что приказал полиции избегать применения силы по отношению к фашистам. Мероприятия по охране порядка сводились к охране подступов к парламенту. Лигам была предоставлена почти полная свобода. Ни разу полиция не применила по отношению к фашистам метод превентивных арестов. Задержанных же во время манифестаций выпускали уже на следующее утро, и вечером те снова бесчинствовали в Латинском квартале и на бульварах Правого берега¹⁸.

Кабинет Шотана пал в обстановке растущей напряженности. Сначала президент А. Лебрен хотел предложить пост премьер-министра бывшему президенту Г. Думергу. В течение полутора лет правые превозносили Думерга как наиболее желательного кандидата на пост главы правительства. Удалившийся на покой в свое поместье Турнфей экс-президент назывался ими не иначе как «турнфейским мудрецом», который сможет спасти страну от «разложения». Думерг устраивал реакционные круги не только потому, что являлся сторонником авторитарных методов правления, но и потому, что пользовался относительной популярностью и обладал большой политической гибкостью¹⁹. Как раз тогда он дал интервью, в котором заявил, что парламентский режим нуждается в улучшениях; что он уже стар, однако всегда рад поделиться опытом с любым правительством. «Турнфейский мудрец» считал, что время для его прихода к власти еще не настало²⁰.

Лебрен поручил формирование правительства одному из лидеров радикальной партии, Э. Даладье, который пользовался среди радикалов репутацией «сильной личности», стоявшей над внутрипартийными интригами. Однако внимательные наблюдатели уже тогда сумели разглядеть за внешней резкостью и непреклонностью Даладье такие черты его характера, как крайняя недоверчивость и нерешительность. Враги Даладье дали ему прозвище «бык с рогами улитки». «Опыт показал, — писал о нем один журналист, — что когда он начинал стучать кулаком по столу, это означало, что он готовится уступить»²¹. Даладье намеревался пригласить в правительство представителей правых, или, как он выразился, «энергичных и в высшей степени уважаемых людей, которые восстановят авторитет государства и абсолютную веру в будущее республики». Однако реакционеры отвергли его предложение, рассчитывая вскоре добиться ключевых постов. В результате Даладье привлек только трех «умеренных». А в целом его правительство мало отличалось от прежних радикальных кабинетов. Даладье обещал создать парламентскую комиссию с широкими полномочиями и выявить все обстоятельства «дела Стависского».

¹⁷ L. Bonneval. Op. cit., pp. 49—52.

¹⁸ «Commission du 6.11.1934», № 3384, pp. 580—581; «L'Action française», 28.1.1934.

¹⁹ A. Werth. Op. cit., pp. 186—187.

²⁰ J. Chastenet. Déclin de la Troisième. P. 1962, pp. 76—77.

²¹ H. Lévy. The Truth about France. Middlesex. 1941, p. 141; G. Laffranc. Histoire du Front populaire. P. 1965, pp. 16—17; G. Chéreau. Op. cit., p. 36.

3 февраля правительство произвело ряд официальных перемещений. Были уволены со своих постов прокурор Прессар и директор полицейского управления Томе. Правда, Прессар был назначен советником кассационного суда, а Томе стал главным администратором театра «Comédie française»²². Большое впечатление произвела на публику отставка Кьяппа. Будучи префектом парижской полиции, он сумел собрать обширные досье почти на каждого политического деятеля. Все его боялись. Кьяпп же неожиданно для себя получил приказ сдать дела и занять пост генерального резидента в Марокко. В более поздних показаниях комиссии по расследованию февральских событий Даладье рассказал, что полиция еще в 1931 г. располагала данными, достаточными для ареста Стависского. Эти-то факты, по словам Даладье, и побудили его принять решение о смещении Кьяппа²³. Гораздо вероятнее, что на решение Даладье повлияли причины политического порядка: все его попытки заручиться поддержкой центра и некоторых правых группировок не увенчались успехом²⁴. В то же время социалисты отнеслись к новому правительству довольно враждебно²⁵. Лидер радикалов Эррио был недоволен, что Лебрен не ему поручил формирование правительства²⁶. Это означало, что во время представления палате новое правительство может остаться в меньшинстве. Тут-то Даладье и решил уволить Кьяппа, отставки которого левые требовали уже давно²⁷.

Хотя трудящиеся считали, что место Кьяппа — в тюрьме, а не на посту правительственного резидента в Марокко, однако отставку ненавистного префекта полиции они восприняли как победу²⁸. Тем болезненнее реагировали на его увольнение реакционные круги. Чувствуя их поддержку, Кьяпп держался агрессивно. Он отверг назначение в Марокко и пригрозил, что возглавит манифестацию против правительства²⁹. Так с 3 февраля афера Стависского отошла на задний план, уступив место «делу Кьяппа». В знак солидарности с последним ушли из правительства министры Пьетри, Фабри, помощник государственного секретаря Дюссэн, а также префект департамента Сены Ренар. 30 правых депутатов парламента обратились к министру внутренних дел с письмом, которое было расклеено в виде листовок на стенах домов. Там отставка Кьяппа была названа «низкой политической махинацией»³⁰. На сторону Кьяппа встал и парижский муниципалитет, в котором большинство мест занимали реакционеры³¹. Фашистские газеты писали о «наступлении левых», о «масонском государственном перевороте», о «правительстве, которое служит красному флагу».

Возобновились беспорядки на улицах. 5 февраля манифестанты не покидали бульваров, толпились на Елисейских полях и у Триумфальной арки. Вечером члены организации «Боевые кресты» предприняли попытку прорваться к министерству внутренних дел, произошли столкновения с полицией³². Лидеры правых группировок решили организовать общее выступление вечером 6 февраля, когда после перерыва, вызванного отставкой Шотана, должна была собраться палата депутатов для утверждения полномочий Даладье.

Утром 6 февраля многие парижские газеты поместили призывы фашистских лиг с указанием пунктов сбора демонстрантов. «Аксён Франсэз» вышла с огромным заголовком: «Боры забаррикадировались в своем притоне. Против грязного режима этим вечером — к палате депутатов!»³³. В прокламации «Молодых патриотов», озаглавленной «Отечество в опасности!», утверждалось, что против Франции существует заговор, который парижане должны разоблачить и предотвратить. В обращении «Французской солидарности» можно было прочесть, что «народ про-

²² G. Chéreau. Op. cit., pp. 56—62; A. Werth. Op. cit., pp. 126—127.

²³ «Commission du 6.II.1934», № 3385, pp. 601, 603.

²⁴ Ibid., pp. 598—600; X. Vallat. Le nez de Cléopâtre. P. 1957, p. 113.

²⁵ «Le Populaire», 31.I.1934.

²⁶ «L'Oeuvre». 1.II.34.

²⁷ M. Le Clère. Op. cit., pp. 96—114.

²⁸ «L'Humanité» et «Le Populaire», 4.II.1934.

²⁹ G. Suarez. Op. cit., pp. 68—70; «Le 6 février (après l'enquête)», pp. 628—629.

³⁰ P. Reynaud. Mémoires. T. I. P. 1960, pp. 367—368; G. Chéreau. Op. cit., pp. 74—75.

³¹ L. Bonnevaux. Op. cit., pp. 145—146.

³² P. Chopine. Six ans chez les Croix de Feu. P. 1935, pp. 109—113.

³³ «Action française», 6.II.1934; «Le Temps», 7.II.1934; «Commission du 6.II.1934», № 3385, pp. 606—609.

будился и полон решимости покончить с интернациональными революционерами и прогнанными политиками». Аналогичный характер носили воззвания других правых организаций.

В 15 часов в Бурбонском дворце при переполненных трибунах открылось заседание палаты депутатов. Едва Даладьё собрался огласить правительственную декларацию, как в зале поднялся невообразимый шум. Со скамей правых депутатов непрерывно раздавались крики «В отставку!», неслись оскорбления³⁴. С большим трудом премьер дочитал декларацию до конца. Далее правые прибегли к классическому методу обструкций, потребовав, чтобы при голосовании вопроса о количестве интерpellаций каждый депутат выходил на трибуну. В результате голосование продолжалось целый час. Требование Даладьё о немедленном голосовании вопроса о доверии вызвало новые вопли, и около 18 часов заседание было прервано³⁵.

Тем временем толпы заполнили подступы к Бурбонскому дворцу. Большинство манифестантов принадлежало к средней и мелкой буржуазии, ремесленникам и прислуге³⁶. Раздавались возгласы: «Депутатов — на виселицу!», «Да здравствует Кыш!»³⁷, «Полиция — с нами!». Затем из толпы выделились штурмовые колонны фашистских организаций. К 18 часам одна из них предприняла попытку преодолеть заслон из полицейских фургонов³⁷. Началась ожесточенная стычка. Фашисты пустили в ход осколки асфальта, куски решеток от канализационных люков, обломки чугунных труб, кастеты, ножи, палки, а также дубинки, к концам которых прикреплялись бритвы, чтобы подрезать сухожилия у лошадей³⁸.

Около 19 часов митингисты начали поджигать автобусы, а вскоре прозвучали первые выстрелы³⁹. На площадь ворвалась 2-тысячная колонна «Французской солидарности» и бросилась в атаку⁴⁰. Полицейские и жандармы открыли огонь. Фашисты отхлынули. Примерно в это же время колонна «Молодых патриотов», возглавлявшаяся 15 муниципальными советниками, попыталась прорваться к Бурбонскому дворцу по набережной Орсе. Затем лигёры выломали ворота в Морском министерстве и стали поджигать его здание. Опять запыхали автобусы⁴¹. А в Бурбонском дворце до зала заседаний долетали крики с улицы. На правительственных местах сидели растерянные министры. Со скамей депутатов правого крыла градом сыпались угрозы. Когда донеслись звуки выстрелов, реакционный депутат Скапини громко заявил: «У ворот дворца идет настоящее сражение... Господин председатель совета министров, отвечайте, вы отдали приказ стрелять?» Не обращая внимания на возмущение левых депутатов, кричавших «Долой фашистов!», Скапини заорал: «Так вот что вы называете авторитетным правительством!» Эти слова сопровождались возгласами правых «Отставка!», «Долой!»⁴². В ответ на выкрики реакционных депутатов левые закричали «Интернационал» и «Марсельезу». С площади же доносились выстрелы и рев толпы.

Заседание было снова прервано. После перерыва состоялось голосование. Полномочия правительства были утверждены 360 голосами против 220⁴³. Депутаты, выйдя через задние двери, пробрались через полицейские кордоны и рассеялись, а огни во дворце были потушены, чтобы дать понять манифестантам, что в парламенте никого нет. Тут глава «Боевых крестов» полковник де ла Рокк, местонахождение которого было известно тогда лишь немногим, приказал своим людям перейти на правый берег Сены и рассеяться⁴⁴. Другие лигёры пока оставались на площади Согласия. Их настроение становилось все более агрессивным. Порою из толпы раздавались выстрелы. А когда в 22.30 на площади появилась 8-тысячная колонна парижской группы Национального союза бывших фронтовиков⁴⁵, вся толпа вновь рину-

³⁴ J. P. M a x e n c e. Histoire de dix ans: 1927—1937. P. 1939, p. 241.

³⁵ «Chambre des députés», 6.II.1934, pp. 406—411.

³⁶ L. B o n n e v a y. Op. cit., p. 86.

³⁷ A. W e r t h. Op. cit., p. 154.

³⁸ «Commission du 6.II.1934», № 3390, pp. 692—693.

³⁹ Ibid., № 3383, p. 1363; L. B o n n e v a y. Op. cit., p. 93.

⁴⁰ J. R e n a u d. La Solidarité française attaque... P. 1935, pp. 53—62.

⁴¹ «Commission du 6.II.1934», № 3388, pp. 627—629.

⁴² «Chambre des députés», 6.II.1934, p. 413.

⁴³ Ibid., p. 414.

⁴⁴ P. C h o p i n e. Op. cit., pp. 114—117.

⁴⁵ «Commission du 6.II.1934», № 3387, pp. 638—651.

лась на полицейских. За первой атакой последовали вторая и третья. В течение часа мятежники штурмовали мост. Только после полуночи площадь Согласия — основной очаг мятежа — была очищена ⁴⁶.

Таким образом, попытка фашистов захватить здание палаты депутатов не увенчалась успехом. Однако заговорщики ни тогда, ни позднее не считали, что они вечером 6 февраля потерпели поражение, и усиленно готовились к новому натиску ⁴⁷. Утром 7 февраля членам правительства стало известно о бойкой распродаже и краже оружия и о том, что мятежники намерены организовать вечером 7 февраля еще более мощную манифестацию с оружием в руках ⁴⁸. К требованию фашистов об отставке Даладье присоединились большинство муниципальных советников Парижа и реакционные политические деятели, включая председателей обеих палат парламента. Монополистические круги прибегли к испытанному методу нажима на неугодное им правительство: из Французского банка стало изыматься золото в размерах, не имевших прецедента за предыдущие годы. Полиция колебалась. Настроение верхушки армии вызывало опасения. Вейган, Петэн и другие генералы III Республики почти открыто требовали отставки кабинета. Маршал Лиотэ, вскоре ставший почетным председателем «Молодых патриотов», заявил, что сам возглавит манифестацию, если Даладье не уйдет ⁴⁹. В результате правительство подало в отставку.

Это придало фашистам новую уверенность в эффективности их метода «прямых действий». Вечером 7 февраля стало известно, что формирование правительства поручено Думергу — «кандидату заговорщиков» ⁵⁰. В состав кабинета вошли такие столпы реакции, как Петэн, Тардье, Лаваль и Марэн. Компартия Франции расценила эти события как «новый шаг к фашизации» ⁵¹. И Думергу вскоре пришлось столкнуться с энергичным сопротивлением левых сил.

Февральские события 1934 г. во Франции стали важным поворотным пунктом в ее межвоенной истории. Мятеж 6 февраля убедил многих французов в правоте коммунистов, которые уже давно указывали на рост фашистской угрозы. События в Париже сделали для масс опасность реакционного переворота не только очевидной, но и реально осязаемой: появление на улицах вооруженных заговорщиков и их союз с другими реакционерами позволили трудящимся массам воочию убедиться в размерах опасности. Мятеж стимулировал волю к борьбе у наиболее сознательной части рабочего класса, породил стремление к объединению антифашистских и демократических сил. 9 февраля 1934 г. по призыву КПФ 50 тыс. парижан вышли на демонстрацию к площади Республики. Полиция обрушилась на манифестантов. Было убито 4 рабочих, 64 тяжело ранено. Манифестация 9 февраля еще более всколыхнула страну. 12 февраля прекратили работу 4,5 млн. человек. Значение этой забастовки было тем более велико, что она сопровождалась в Париже и других городах мощными антифашистскими манифестациями, в ходе которых впервые за долгие годы шагали рядом коммунисты, социалисты и члены некоторых буржуазно-демократических организаций ⁵².

Таким образом, стало очевидно, что в момент серьезной опасности все левые могут и должны объединить свои силы против общего врага. Февральские события 1934 г. способствовали сплочению левых партий и созданию союза рабочего класса со средними слоями. Этот союз — Народный фронт — сумел в середине 30-х годов преградить дорогу открытой реакции.

⁴⁶ L. Bonnevay. Op. cit., pp. 122—135; G. Chéreau. Op. cit., pp. 124—131.

⁴⁷ См. подробнее: Ю. В. Егоров. К вопросу о целях фашистского мятежа 6 февраля 1934 г. во Франции. (Критический анализ некоторых концепций буржуазной историографии). «Очерки всеобщей истории». «Ученые записки» ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 307.

⁴⁸ M. Bernard. Les journées ouvrières des 9 et 12 février. P. 1934, pp. 11—14.

⁴⁹ A. Werth. Op. cit., pp. 166, 169—170.

⁵⁰ H. Tint. Op. cit., p. 200.

⁵¹ «L'Humanité», 8.II.1934.

⁵² Подробнее см.: Ю. В. Егоров. Французские коммунисты и социалисты во время февральских событий 1934 г. «Проблемы истории рабочего движения и международных отношений». Л. 1969.